

Дэвид Хоффман

1983¹

Не считая Карибского кризиса, 1983 год был самым тяжким за всю историю холодной войны.

Именно в этом году президент Рейган выступил с идеей Стратегической оборонной инициативы (СОИ) и именно тогда он назвал Советский Союз *империей зла*. В том же году советские ВВС сбили над Сахалином южнокорейский пассажирский авиалайнер, а НАТО, в свою очередь, разместила в Европе ракеты *Першинг-2* и крылатые ракеты наземного базирования. По многим критериям, именно в этом году холодная война достигла своего апогея. Осенью 1983 г. взгляды Рейгана начали постепенно меняться и все более приближаться к тем убеждениям, что три года спустя сделают его гораздо более склонным к сотрудничеству с Михаилом Горбачевым.

Рейган был человеком сложным. Он мог одновременно совмещать в себе различные убеждения, часто казавшиеся противоположными. Он не доверял Советскому Союзу и не верил в теорию ядерного сдерживания. В 1983 г. оба этих принципа подверглись серьезной проверке. Дорога к разительным переменам была проложена.

РЕЙГАН

Как в своей кинематографической, так и в политической жизни Рейган следовал принципам интуитивного антикоммунизма, которые он сохранил, став президентом. В 1982 г. он выступил перед английским парламентом с речью, в которой выразил свои истинные убеждения. «Возможно, в это сложно поверить, но я считаю, что мы достигли переломного момента», – заявил тогда Рейган. «В определенном, и довольно ироничном, смысле Карл Маркс был прав. Сегодня мы являемся свидетелями великого революционного кризиса – кризиса, в котором требования экономического порядка напрямую сталкиваются с требованиями порядка политического. Но этот кризис происходит не на свободном Западе, далеком от принципов марксизма, а в самом сердце марксизма-ленинизма – в Советском Союзе». Он продолжал: «Именно Советский Союз плывет против течения истории, отказывая своим гражданам в свободе и праве на человеческое достоинство. Кроме того, СССР находится в крайне тяжелом экономическом положении [...] Советская система, чересчур централизованная, предоставляющая минимальные материальные стимулы, если таковые вообще имеются, вкладывает свои наилучшие ресурсы в создание орудий разрушения. Постоянное сокращение экономического потенциала вместе с ростом продукции военного комплекса накладывает непосильную нагрузку на советский народ...» Рейган добавил, что «марш свободы и демократии [...] оставит марксизм-ленинизм на развалинах истории, как он сделал это с другими тираниями, душившими свободу и затыкавшими рот самовыражению народа».

Ы
Ц
И
Н
Р
Н
О
С
Р
А
Т
С
И
С

Это обращение Рейгана прозвучало в период нарастающего движения за замораживание ядерного оружия в Европе. В Европе его взгляды на Москву не разделялись, да и в самих Соединенных Штатах считались глубоко противоречивыми. Десятилетний период разрядки был завершен, но в США многие не были уверены, в каком направлении будет развиваться политика Рейгана. Выступая перед группой христиан-евангелистов 8 марта 1983 г. в Орландо, Рейган назвал Советский Союз «очагом зла в современном мире» и призвал к отказу от движения за замораживание производства ядерного оружия. «В ваших переговорах по замораживанию производства ядерного оружия, – говорил он, – я призываю вас остерегаться искушения гордостью – искушения блаженно объявить себя выше всего этого и признать обе стороны одинаково виноватыми; искушения проигнорировать исторические факты и агрессивные импульсы империи зла, и просто окрестить гонку вооружений гигантским недоразумением и, как следствие, полностью исключить себя из битвы между правдой и кривдой, между добром и злом». Выражение «империя зла» олицетворяло собой мнение Рейгана о Советском Союзе.

В то же время, однако, Рейган не был приверженцем традиционных взглядов на ядерное сдерживание. Среди американских политиков и президентов, стоявших у власти со времени окончания Второй мировой войны, традиционно было принято считать, что Соединенные Штаты должны поддерживать угрозу массированного контрудара, и страна обязана запастись достаточным количеством ядерного оружия, чтобы сделать эту угрозу убедительной. Обе супердержавы создавали все более мощные арсеналы под влиянием технологического прогресса и идеологии. Соединенные Штаты благосклонно отнеслись к предложению, первоначально высказанному министром обороны Робертом Макнамарой, о создании арсенала, который был бы достаточно обширен, чтобы уничтожить 25% советских городов и 50% промышленности СССР – то, что Макнамара называл «гарантированным уничтожением». Позже критики Макнамары добавили к этому определению слово «взаимное», и данная политика получила известность как «взаимное гарантированное уничтожение» (ВГУ). Многим американцам осознать эту простую идею – понятие о двух взведенных курках – было достаточно просто. На деле, истинной целью обоих государств было нанесение урона «контрсилковым объектам» – ракетам противника, но понятие о взаимном гарантированном уничтожении больше соответствовало массовой культуре и было более понятно широкой публике. Более того, период разрядки в семидесятые годы заставил многих американцев поверить в то, что взаимное гарантированное уничтожение можно взять под контроль с помощью соглашений о контроле над вооружениями, такими как договоры об ограничении стратегических вооружений. Таким соглашениям в американской политической мысли уделялось особое место, и большая заслуга в их разработке принадлежала Ричарду Никсону и Генри Киссинджеру.

Приход Рейгана к власти был в какой-то мере обусловлен потерей веры американского народа в перспективу разрядки. Американцев беспокоило, что даже после подписания договоров об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) Советский Союз продолжал расширять свои программы по модернизации вооружений. Советские ракеты не представляли собой той угрозы, какую им приписывали в тот период, но Рейган и другие официальные лица убеждали американский народ, что они действительно очень опасны. Критики говорили, что Советский Союз лишь использует период разрядки и ОСВ как прикрытие, а на самом деле готовится развязать ядерную войну и победить в ней. Воинственно настроенные представители министерства обороны, высказывающие такие предположения, принимали участие в знаменитом разведывательном эксперименте в 1976 г., известном под названием «процесс Команды Б», в ходе которого им было дано задание проанализировать данные разведки и предоставить свой собственный, отличный от официального, взгляд на советские намерения. Под официальным в данном случае подразумевалось мнение, изложенное в ежегодном отчете «Команды А». Предоставленный «Командой Б» доклад был в то время засекречен, но позднее стал доступен широкой публике. В его выводах звучало убеждение, что Советский Союз был решительно настроен на создание аппарата для ведения ядерной войны². Впоследствии многие члены «Команды Б» создали группу, получившую название Комитета по угрозе президенту и призванную агитировать против договора ОСВ-2, подписанного президентом Картером и главой СССР Леонидом Брежневым в 1979 г. Рейган присоединился

к критике ОСВ-2, и члены Комитета получили работу в его администрации, когда он опередил Картера на выборах в 1980 г. Руководителем «Команды Б» был профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс, который в то же время является автором упомянутых выше ключевых высказываний, приведенных президентом Рейганом в его выступлении в Вестминстере³.

Выставив свою кандидатуру на пост президента в 1980 г., Рейган, в общем и целом, хранил молчание в отношении вопроса ядерного сдерживания. У него было свое четко определенное мнение, но он предпочитал им не делиться. На самом деле идея ВГУ (по-английски звучавшая как MAD, что можно было перевести и как *безумная*) казалась Рейгану одиозной. Несколько причин вынуждали его не верить в эту центральную идею ядерной эпохи. Как рассказывал биограф Рейгана Лу Кэннон, Рейган верил в Армагеддон и Страшный суд⁴. «Рейганом одновременно управляли исключительная проницательность и необыкновенное невежество, – писал Кэннон. – Он с подозрением относился к традиционным попыткам урегулировать темп гонки вооружений с помощью соглашений и договоров, потворствующих тому, чтобы обе супердержавы улучшали качество своего наступательного ядерного оружия и увеличивали объемы своих ядерных арсеналов. В отличие от сторонников традиционного подхода, Рейган был уверен в том, что, напротив, обеим сторонам следовало бы понизить количество ядерных боеголовок и постепенно избавиться от них полностью».

Эта сторона личности Рейгана была вовсе не очевидна в первые два или три года после его вступления в полномочия президента, когда он отдал приказ о широком наращивании вооружений американскими вооруженными силами. Убеждения Рейгана основывались не на каких-либо тайных военных теориях, а на триумфе капитализма, как сам Рейган заявил об этом на выступлении в Лондоне. Как выразился его советник Мартин Андерсон, Рейган был уверен, что «продуктивная мощь американской экономики была гораздо значительнее экономики советской, и если бы США начали гонку по усовершенствованию мощи и размаха своей армии, Советский Союз был бы не в состоянии поспеть за ними».

Покушение на Рейгана в 1981 г. замедлило разработку его внешней политики, но первые попытки обострить соперничество с Советским Союзом были встречены им с одобрением. Среди множества различных политических мер, таких как наращивание военного потенциала и завуалированная операция по оказанию помощи афганским моджахедам, Рейган одобрил план ЦРУ по подрыву советской экономики путем поставки технологий, содержащих скрытые дефекты. Соединенные Штаты узнали от французов об обширных попытках кражи иностранных технологий, предпринимаемых в то время КГБ. Эта информация поступила от агента, которому французы дали прозвище «Прощай» – полковника Владимира Ветрова, 53-летнего инженера, ответственного за оценку материалов разработки, полученных КГБ и касающихся западных технологий. С помощью «списка покупок» в области технологий, полученного от Ветрова, американцы дали просочиться стратегическим товарам в поставки, осуществляемые третьими странами в Советский Союз. Среди них было и программное обеспечение для управления насосами, турбинами и клапанами советского газопровода, поставляющего природный газ в Европу. По словам Томаса Рида, бывшего секретаря при американских ВВС, техника «была запрограммирована на то, чтобы выйти из строя, начав через определенное время перенастраивать скорости насосов и настройки клапанов так, чтобы давление в газопроводе намного превышало допустимое для сварных швов труб». «Результатом, – добавил он, – должен был стать самый крупный неядерный взрыв и пожар, который можно было бы увидеть из космоса»⁵.

В марте 1982 г. Рейган принял участие в своем первом моделировании ядерной войны, целью которого было испытание командования и управления ядерным оружием. Рид в то время был штатным сотрудником при Совете национальной безопасности США; в 1970-х гг. он работал над вопросами командования и управления в Пентагоне. Рид пришел к заключению, что прежние президенты недостаточно хорошо планировали, что бы они сделали в случае настоящего ядерного кризиса. Президент, одновременно являю-

щийся и главнокомандующим войск, был бы легко уязвим в случае удара по Белому дому. «Я пришел к выводу, что при данном раскладе система была бы обезглавлена в считанные минуты после удара», – сообщил Рид. На конец февраля – начало марта 1982 г. войска наметили ядерные командно-штабные учения, которые бы моделировали ядерный кризис. Рейган был проинформирован об учениях, на проведение которых было выделено четыре дня. Рейган не участвовал в учениях лично – роль «президента» досталась дублеру, но настоящий президент пристально наблюдал за ходом учений.

«Учения начались в понедельник утром, – рассказывал Рид в своих мемуарах. – В тот день настоящий президент и его дублер прибыли в оперативный пункт для получения информации о надвигающейся угрозе. Офицер разведки изложил боевой состав и дислокацию советских войск, и после этого системы обнаружения начали докладывать о запуске учебных ракет и о вероятных местах их падения. Минуты спустя на карте США на экране в тесной подвальной комнате начали появляться красные точки, симулирующие места падения ракет. Первые удары уничтожили Вашингтон, так что этот брифинг, судя по всему, должен был проводиться на каком-то воздушном командном пункте где-нибудь над прериями в центральной части США».

«Прежде чем президент смог допить свой кофе, на карте уже не осталось места, не окрашенного красным, – вспоминал Рид. – Все населенные пункты и военные базы в США были уничтожены. И когда он ошеломленно смотрел на карту, не веря своим глазам, ему сообщили, что советские ВВС и вторая партия ракет уже на подходе. В течение следующего получаса новые красные точки стерли с лица земли оставшихся в живых и заполнили оставшиеся пробелы на ставшей полностью красной карте».

«Меньше чем за час Соединенные Штаты Америки исчезли на глазах у их президента, – вспоминал Рид, добавляя: – Я уверен, что именно в тот мартовский понедельник Рональд Рейган понял, что будет собой представлять советский ядерный удар по США. Это подействовало на него отрезвляюще и, без сомнения, упрочило его решимость каким-то образом обезопасить страну от такого удара».

Осенью 1982 г. и весной 1983 г. Рейган начал прислушиваться к предложениям о создании щита, способного защитить от удара баллистических ракет. Этому способствовали несколько факторов. Рейган всегда свято верил в мощь американских технологий. Возможно, этому в большой мере способствовало его голливудское прошлое. В фильме 1940 г. «Убийство в воздухе» он сыграл роль киногероя, агента Секретной службы Браса Банкрофта. По сценарию, Банкрофт предотвращает кражу шпионом смертоносного луча, известного как «инерционный прожектор», способного сбивать вражеские самолеты⁶. Кроме того, на Рейгана вполне могло повлиять предположение, высказанное ученым-ядерщиком Эдвардом Теллером, согласно которому лазеры можно было бы применять для сбития атакующих ракет.

Рейгану, кроме всего прочего, в 1982 г. пришлось столкнуться с весьма конкретными политическими трудностями. Конгресс противился планам по боевому применению ракет *MX*. Рейган вступил в права президента, находясь в полной уверенности, что у Соединенных Штатов существовало так называемое «окно уязвимости» в отношении советских ракет — и вследствие этого он принял к проведению активную политику по наращиванию оборонного потенциала и модернизации оборонного комплекса. И все же политические сложности, стоявшие на пути внедрения ракет *MX*, заставили некоторых советников – и самого Рейгана в том числе – искать альтернативные решения. На встрече с Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) 11 февраля 1983 г. темой разговора стала осуществимость противоракетной обороны. И хотя это не было единственным выходом из тупика, вызванного проблемами с ракетами *MX*, Рейган ухватился за идею. 23 марта 1983 г. он объявил о планах по ускорению исследований в области противоракетной обороны.

В своем выступлении Рейган выразил свое почтение политике сдерживания. «Такой подход к достижению стабильности – подход через угрозу нападения – сработал, – заявил он. – Мы, совместно с нашими союзниками, сумели успешно предотвратить ядер-

ную войну на протяжении более чем трех десятилетий». Но Рейган отметил, что в течение последних месяцев он, вкупе со своими советниками и комитетом начальников штабов, «недооценил необходимость выбраться из такого варианта развития будущего, который основывается исключительно на наступательных ответных мерах в целях обеспечения нашей безопасности». К этому Рейган добавил: «За время этих дискуссий я стал все глубже и глубже убеждаться, что человеческий дух должен быть способен быть выше выяснения отношений с другими странами и людьми методом угроз их существованию»⁷.

Рейган был идеалистом, и какая-то часть этого идеализма просматривается в этой речи, где большое внимание уделяется расходам на военные нужды. «Не было бы лучше *спасать* человеческие жизни вместо того, чтобы *мстить* за них?» – спрашивал он. «Позвольте мне поделиться с вами видением мира, которое дарит надежду. Мы приступаем к выполнению программы, призванной противостоять чудовищной ракетной угрозе со стороны Советского Союза с помощью оборонительных мер. Давайте же обратимся к тем самым технологическим преимуществам, которые легли в основу нашей мощной производственной базы и дали нам возможность наслаждаться тем качеством жизни, что у нас есть сегодня».

Вслед за этим он спросил: «Что, если бы свободные люди могли жить в спокойствии, зная, что их безопасность не зависит от возможности незамедлительного ответного удара, призванного предотвратить нападение Советского Союза, и что мы в состоянии засечь и уничтожить баллистические ракеты стратегического назначения еще до того, как они достигнут территории нашей страны или территории наших союзников?» Он призвал «научные круги нашей страны, людей, давших нам ядерное оружие, обратить свой великий талант на дело человечества и мира во всем мире и дать нам средство, способное сделать ядерное оружие бессильным и отжившим свой век».

В то же время, когда Рейган внедрял идею о ракетной обороне, Советский Союз столкнулся с другой проблемой, на этот раз в Тихом океане. Соединенные Штаты проводили психологические операции, направленные против советских войск и разведки. В апреле и мае 1983 г. Тихоокеанский флот США проводил самые масштабные за всю свою историю учения в северо-западной части Тихого океана. В учениях, одних из самых крупных, когда-либо предпринятых Соединенными Штатами, участвовали сорок кораблей, в том числе три авианосные ударные группы. Среди авианосцев был и корабль ВМС США *Энтерпрайз*. Во время учений флот США прошел всего в 450 километрах от побережья Камчатки и Петропавловска-Камчатского, единственной советской военно-морской базы с непосредственным доступом к открытому морю. Американские ударные подводные лодки и противолодочный воздушный флот проводили операции в защищенных зонах – «бастионах», где советский флот разместил подводные лодки с баллистическими ракетами на борту. Самолеты с авианосцев *Мидуэй* и *Энтерпрайз* осуществили учебную бомбардировку военной базы на маленьком советском острове Зеленый в череде Курильских островов⁸.

Эти операции в любом случае вызвали бы тревогу советского руководства, но в данной ситуации был и еще один неожиданный момент. Соединенные Штаты не знали, что секретная информация о маневрах американского флота просачивалась в Советский Союз через агентурную сеть, организатором которой был Джон Уокер, а основным добытчиком информации – его друг Джерри Уитуорт. Последний служил на *Энтерпрайзе* во время учений в Тихом океане, официально известных под названием «Флотские Учения 83-1». И хотя неизвестно, какое именно количество информации достигло Москвы, вполне вероятно, что советское руководство получило достаточно точные сообщения об одном из самых секретных учений холодной войны. Как следует из доклада Сенатской комиссии по разведке 1986 г., у Уитуорта был доступ к секретным данным разведки на *Энтерпрайзе*, и он смог передать их Советскому Союзу через Уокера. Уитуорт «предоставил Советскому Союзу боевые донесения с *Энтерпрайз* за целый год работы, в том числе данные под грифом «совершенно секретно». Он также подверг риску оперативные директивы на проведение «Флотских Учений 83-1» – единственных учений, проводимых

Ы
И
Н
П
Р
Н
О
А
Т
С
Т
Н

тремя авианосными ударными группами в непосредственной близости от советского побережья». Согласно Сенатскому докладу, эти утечки информации позволили Советскому Союзу оценить истинные возможности американского флота⁹. И хотя точный характер информации, переданной Уокером и Уитуортом, остается неизвестным, вполне возможно, что эти данные усилили чувство напряженности и паранойи в Москве в отношении американских намерений.

Риск недоразумений и ошибок был реален.

АНДРОПОВ

Брежнев умер в ноябре 1982 г., а всего через несколько месяцев его преемник, Юрий Андропов, уже был серьезно болен. Всего три месяца после своего назначения генеральным секретарем ЦК КПСС Андропову пришлось применять диализ вследствие почечной недостаточности. Из пятнадцати месяцев, проведенных у власти, Андропов половину провел на больничной койке. Во время рабочего отпуска в феврале 1983 г. здоровье Андропова сильно ухудшилось. «Почки беспокоили его всю его жизнь, но тогда, казалось, они совсем отказались работать», – писал российский историк Дмитрий Волкогонов¹⁰. К лету 1983 г. «здоровье Андропова стало вызывать серьезные опасения, – добавил он. – На его теле появились болезненные язвы, и признаки общей немощи усилились [...] Во время своих редких появлений на рабочем посту Андропову лишь с большим трудом удавалось подняться на несколько ступеней, ведущих к лифту. Он чувствовал себя ужасно неудобно, когда его охране или другим людям приходилось ему помогать, и не хотел, чтобы о его ухудшающемся состоянии знали». Тем летом сотрудники Андропова даже установили в Мавзолее Ленина лифт, чтобы ему не приходилось переносить нагрузку по спуску на три с половиной метра пешком.

Параной Андропова по поводу ракетно-ядерного нападения привела к проведению операции РЯН (Ракетно-Ядерное Нападение). Она была начата в 1981 г., в последний год руководства Брежнева, когда Андропов еще был главой КГБ. Поводом к ее проведению стала тревога, вызванная резкой критикой администрации Рейгана в адрес Москвы. В мае 1981 г. Брежнев осудил политику Рейгана в секретном послании на важном собрании КГБ в Москве. На том же заседании Андропов выступил с еще более резким заявлением, сообщив, что новая американская администрация интенсивно готовится к ядерной войне.

«К изумлению большей части его слушателей, Андропов объявил, что решением Политбюро КГБ и ГРУ впервые должны были соединить усилия в рамках международной разведывательной операции под кодовым названием РЯН», – писали английский историк Кристофер Эндрю и бывший агент КГБ Олег Гордиевский¹¹. ГРУ отвечало за контроль над любыми западными военными приготовлениями к первому удару по Советскому Союзу, в то время как задачей КГБ было заблаговременно оповестить о решении США и ее союзников в НАТО такой удар подготовить. Инструкции были отправлены в резидентуры КГБ в ноябре 1981 г. Как пишут Эндрю и Гордиевский, агенты, работавшие за рубежом, восприняли эти указания с определенной долей скептицизма. Возможность начала ядерной войны тревожила их гораздо меньше, чем штаб-квартиру КГБ, и все же ни один из них не собирался оспаривать мнение Центра. «РЯН создал замкнутый круг разведывательных данных и оценки ситуации. Резидентуры должны были докладывать тревожную информацию, даже если они сами относились к ней скептически. Центр, в свою очередь, был вполне предсказуемо встревожен получаемыми данными и требовал дальнейших отчетов».

В феврале 1983 г., в то время как Рейган обсуждал со своими советниками стратегическую оборонную инициативу, КГБ направил своим резидентам новые и более подробные инструкции, отражающие уверенность Центра в неизменно возрастающей ядерной угрозе. В этих инструкциях, датированных 17 февраля, указывалось, что «ввиду увеличивающейся срочности задания по своевременному обнаружению любых приготовлений

противника к ракетно-ядерному нападению (РЯН) на Советский Союз, мы пересылаем вам бессрочно действительное задание и краткий инструктаж по этому вопросу».

Как пишут Эндрю и Гордиевский, в первой части задания были сформулированы семь ограниченных по времени задач по сбору разведывательной информации о возможных признаках подготовки ядерного удара, начиная с изменения цен на донорскую кровь (КГБ, очевидно, не знал о том, что в Великобритании кровь сдают бесплатно) до увеличения активности западной разведки и служб безопасности. Хотя многие из инструкций были вполне традиционны, они все же служили хорошей иллюстрацией «иногда странных теорий [Центра] о заговорщической деятельности клерикальных и капиталистических элементов западного империализма». Центр подозревал, что церковники и крупные банкиры могли быть проинформированы о планах ядерной атаки, и предписал резидентам «исследовать такую возможность».

В директивах Центра также говорилось о размещении США и их союзниками в Европе крылатых ракет наземного базирования и ракет *Першинг-2* в ответ на развертывание Советским Союзом в конце 1970-х ракет *СС-20 (Пионер)*, направленных в сторону Европы. Появление ракет *Першинг* беспокоило Москву больше всего. Согласно данным КГБ, *Першинги* могли долететь до Москвы за считанные минуты – на это им потребовалось бы всего от четырех до шести минут, то есть недостаточно, чтобы позволить кремлевскому руководству спуститься в подземные бункеры. Возможно, оценка скорости *Першингов* была преувеличена, но они действительно обладали высокой степенью точности – их круговая вероятного отклонения (КВО) составляла 100 футов (30,48 м) на расстоянии до 1000 миль (1609 км), а скорость – 6,092 миль в час (9804 км/ч). Эти ракеты были оснащены одной боевой частью с зарядом переменной мощности от пяти до пятидесяти килотонн.

По утверждению Волкогонова, Андропов был снедаем вопросом о *Першингах-2*, чья первая батарея должна была быть размещена в Германии в декабре 1983 г. «В 1983 году Андропов посвящал практически все свое ограниченное время этому вопросу, – пишет Волкогонов. – Для того чтобы мобилизовать общественное мнение в мире против американского шага, были приняты масштабные меры, и в этих целях были активно задействованы социалистические и коммунистические партии Западной Европы».

Страх Кремля перед ракетами *Першинг-2* и поиск данных разведки о возможном ударе распространялся и на ГДР. КГБ поручил серьезную роль восточногерманской разведке под руководством Маркуса Вольфа. К началу 1980-х, как писал Вольф в своих мемуарах, «наши советские союзники стали просто одержимы угрозой ракетно-ядерного нападения»¹². Кроме того, «как и многие агенты разведки, я нахожу эти игры в войну обременительной потерей времени, но приказы касательно этого вопроса не подлежали обсуждению, точно так же, как и другие приказы сверху». Как утверждалось в монографии, опубликованной ЦРУ, Вольф собрал специальный персонал и создал круглосуточную службу с экстренным каналом связи с Москвой; задачей службы был контроль за «перечнем» политических и военных признаков надвигающегося американского удара. В Восточной Германии был отдан приказ о постройке подземных бункеров для политических и военных чиновников высокого ранга, а также для высокопоставленных чиновников разведывательного управления.

Кроме всего прочего, Андропова угнетала СОИ. Спустя четыре дня после заявления американского президента Андропов сообщил *Правде*, что США готовят первый удар по Советскому Союзу, и с уверенностью заявил, что Рейган «строит новые планы по развязыванию ядерной войны наилучшим для него способом, в надежде выиграть ее». Резкая реакция Андропова была доселе невиданна. Он обвинил Рейгана в «преднамеренной лжи» о военной мощи Советского Союза для оправдания СОИ и осудил возможное создание ядерного щита как «ставку на обезвреживание Советского Союза перед лицом американской ядерной угрозы». ЦРУ предвидело, что позднее в том же году советское руководство попытается воспрепятствовать программе Рейгана, не выдвинув, в свою очередь, свою собственную.

Ы
И
Ц
И
И
Н
О
Р
А
Т
С
И
С

В основе тревоги советского руководства по поводу СОИ лежали вовсе не опасения, что инициатива может быть реализована. Большинство советских ученых задолго до заявления Рейгана пришли к заключению, что создание противоракетной обороны было невозможно, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Однако советская элита осознавала, что в плане высоких технологий страна отставала от Запада на десятилетия. Большинство разработок советских универсальных ЭВМ были основаны на контрафактных схемах *IBM*. «Слабость потребительской экономики» в советский период «ограничивала развитие ЭВМ, – писал историк Дэвид Рейнольдс. – ЭВМ и революция средств сообщения представляли для советского блока двойную проблему – экономическую и идеологическую»¹³.

Начальник Генерального штаба Вооруженных сил Советского Союза маршал Николай Огарков, беседуя с американским журналистом Лесом Гельбом, признался: «Мы не сможем сравниться с качеством американского вооружения еще, по крайней мере, на протяжении одного или двух поколений. Современная военная мощь строится на технологии, а технология строится на компьютерах. В США даже маленькие дети играют с компьютером [...] Здесь же ЭВМ стоят даже не во всех офисах Министерства обороны. И по причинам, которые вам хорошо известны, мы не можем сделать компьютеры доступными для широкой публики. Мы никогда не сможем вас догнать в плане вооружений, по крайней мере, до тех пор пока в стране не произойдет экономическая революция. И главный вопрос состоит в том, сможем ли мы провести экономическую революцию без революции политической»¹⁴.

Летом 1983 г. напряженность нарастала. 16 июня Андропов сообщил ЦК, что в борьбе между Западом и Востоком произошло «беспрецедентное обострение». «Угроза ядерной войны, нависшая над человечеством, заставляет нас переоценить основные цели деятельности всего коммунистического движения». 11 августа еще одна депеша от Центра призвала агентов КГБ сосредоточить контрразведку на любом решении Запада в отношении ядерного ракетного удара. Директивой предписывалось сообщать о любом неожиданном увеличении Западом разведывательных операций, что считалось признаком готовящегося удара.

РЕЙС 007

1 сентября Андропову, находившемуся в его резиденции на окраине Москвы, сообщили об уничтожении американского боевого самолета над южной частью острова Сахалин. После этого он провел в Кремле свое последнее заседание Политбюро. Перед самым его началом к Андропову подошел Устинов и сообщил: «Был сбит самолет. Оказалось, он был не американским, а южнокорейским и притом пассажирским. Мы доложим вам, как только узнаем подробности».

По мнению Волкогонова, у Андропова, без сомнения, были и другие источники информации, и он ответил Устинову: «Ладно. Но мне сказали, что над Камчаткой летал самолет-разведчик. Сегодня сразу после заседания я вылетаю в Крым. Мне нужно отдохнуть и подлечиться. А с самолетом вы как-нибудь уж сами разберитесь». После трехчасового заседания Андропов отправился в отпуск в Симферополь.

Самолет был сбит 1 сентября в 3:26 утра по местному времени советским истребителем *SU-15*, выпустившим две ракеты класса «воздух-воздух» по Боингу-747, принадлежавшему компании *Korean Airlines* и летевшему рейсом 007 в Сеул, но непроизвольно отклонившемуся от курса. На борту самолета было 269 пассажиров и членов экипажа. Советские ВВС отслеживали самолет более часа. Переговоры с пилотом были перехвачены американскими и японскими радистами.

США окрестили уничтожение самолета преднамеренным массовым убийством. Рейган назвал его «варварским актом, порожденным обществом, которое безмерно ущемляет

личные права человека, пренебрегает ценностью человеческой жизни и постоянно стремится расширяться и доминировать над другими странами».

В действительности, после примерно двух дней экспертизы, американская разведка пришла к выводу, что советские ВВС и в самом деле скорее всего не знали о том, что выпускают ракеты по пассажирскому самолету. Об этом было публично заявлено в 1988 г. представителем Госдепартамента Дж. Эдвардом Фоксом, писавшим в письме к Конгрессу, что «на второй после событий день мы пришли к заключению, что на протяжении большей части полета, если не на всем его протяжении, Советские ВВС считали, что преследуют американский разведывательный самолет». Он добавил к этому, что «решающим фактором было то, что советские военные, ввиду собственной некомпетентности, скорее всего сами не были уверены в том, какой именно тип самолета они сбивали». По свидетельству ЦРУ, советская противовоздушная оборона в этой зоне находилась в повышенной боевой готовности и «в состоянии тревоги» после проведения той же весной учений Тихоокеанского флота. Опять же, по заключению ЦРУ, «местный командующий ПВО, похоже, совершил серьезную, но непреднамеренную ошибку»¹⁵. По свидетельству Эндрю и Гордиевского, восемь из одиннадцати станций слежения ПВО на Камчатке и Сахалине были неисправны¹⁶.

Первоначальной реакцией Советского Союза было стремление скрыть правду и «замять» ситуацию. Москва не признавала случившееся до 6 сентября и отложила официальное объяснение еще на три дня. 9 сентября во время пресс-конференции Огарков заверил, что региональная часть ПВО идентифицировала самолет как *РС-135*, самолет-разведчик, выполнявший рутинные разведывательные операции на похожем маршруте. Он настаивал на том, что самолет выполнял именно разведывательную миссию. «То, как Советское руководство подошло к урегулированию этого происшествия, служит хорошим показателем его менталитета, – писал Волкогов. – Сам Андропов более месяца хранил молчание о случившемся... «Черные ящики» самолета обнаружили и подняли, но было решено ничего не сообщать об этом ни мировой прессе, ни Сеулу, и советские корабли продолжали находиться в районе падения обломков самолета, чтобы создать впечатление, что безрезультатные поиски все еще продолжаются».

Стратегией США в тот момент было решено использовать эту трагедию, чтобы с помощью жесткой критики заставить СССР занять оборонительную позицию, и при этом свети потенциальные санкции и другие ответные действия до минимума. Госсекретарь США Джордж Шульц вылетел в Мадрид, чтобы встретиться там с министром иностранных дел СССР Андреем Громыко. Шульц затронул вопрос о самолете во время их первой, закрытой встречи. «Атмосфера была напряженной, – вспоминал он. – Он совершенно не желал идти мне навстречу». Более широкое заседание, последовавшее вслед за этим, было «резко конфронтационным», вспоминал Шульц. «В какой-то момент Громыко встал и собрал свои бумаги, как будто собирался уйти. Я думаю, он отчасти надеялся, что я заставлю его сесть на место. Я же, напротив, поднялся, чтобы проводить его к выходу. Тогда он сел, сел и я. После окончания встречи мой переводчик Билл Краймер сообщил мне, что он семнадцать лет переводил на встречах с советскими высокопоставленными лицами, но никогда не видел ничего даже отдаленно напоминающего поведение Громыко».

Отношения между двумя странами действительно заметно охладелись. Рейган воспользовался инцидентом со сбитым самолетом, чтобы во всеуслышание осудить советскую систему. Соединенные Штаты попытались смутить советских официальных лиц и бросить вызов их обману. Для советского руководства такие действия были не чем иным, как провокацией и преднамеренной попыткой подставить Союзу подножку. 29 сентября Андропов издал одно из самых суровых осуждений США, когда-либо прозвучавших в их адрес. Администрация Рейгана, заявил он, следует «милитаристским путем, представляющим собой серьезную угрозу миру [...] и если хоть у кого-то оставались иллюзии о возможности изменения политики действующей администрации к лучшему, последние события полностью развеяли такие надежды».

Ы
Ц
И
Н
О
Р
А
Т
С
Н

«ОКО»

Для США на тот момент оставалось неизвестным, что 26 сентября 1983 г. советские вооруженные силы пережили серьезную ложную тревогу в системе оповещения о ракетно-ядерном нападении, поступившую на секретную станцию дальнего обнаружения Серпухов-15, к югу от Москвы. Эта станция следила за данными, поступающими со спутников, которые, в свою очередь, искали признаки надвигающейся ракетной атаки. В ту ночь Станислав Петров, заместитель директора отдела по военным алгоритмам, замещал за пультом другого начальника. Семь спутников были размещены на орбите так, чтобы каждый мог наблюдать за американскими ракетными пусковыми площадками в течение примерно шести часов. Каждый спутник представлял собой цилиндр длиной в шесть футов и диаметром в пять, каждый передавал поток информации в командный пункт. Мозгом командного пункта считался М-10, лучший в Советском Союзе суперкомпьютер, анализировавший данные и выискивавший признаки ракетного удара¹⁷.

В ту ночь один из спутников как раз подходил к наивысшей точке своей орбиты на высоте примерно 19 883 миль (около 32 тыс. км) над землей. Спутниковая система в целом была известна как «Око», но для Петрова эти космические аппараты определялись лишь номерами от одного до девяти. Спутник, подходивший в тот момент к вершине своей орбиты, был под номером пять. Из космоса он тщательно наблюдал за каждым уголком Земли, используя инфракрасные датчики, способные засечь запуск ракет. На черном фоне космоса спутник был способен заметить тепловыделения ракетных двигателей.

В 12:15 ночи Петров всполошился. Вдоль потолка было расположено узкое беззвучное табло. Большую часть времени его присутствие даже не замечали, но неожиданно оно зажглось кроваво-красными буквами: ЗАПУСК. Пронзительным воем, способным разбудить даже мертвого, заревела сирена. Петров был потрясен. На большой карте мира, возле одной из американских ракетных баз, зажглась лампочка. Все замерли. Электронные табло показывали запуск ракеты. На пульте светилось «высокая достоверность». Такого никогда прежде не случалось.

Операторы за пультом управления вскочили на ноги. Как после рассказывал Петров, все повернулись к нему и смотрели на него не отрываясь. Он тоже встал, чтобы всем было его видно. Он начал отдавать приказы. Он не был уверен в том, что именно происходило. Ему нужно было знать, была ли тревога настоящей или же она была всего лишь сбоем в работе компьютера. Полная проверка заняла бы десять минут. Но если это действительно был ракетный удар, ждать десять минут было нельзя. Во всеобщей суете Петров внимательно изучал мониторы перед собой. Если это была ракета, рано или поздно она должна была появиться на радарях. Какова ее траектория? На экране не было ни малейшего на это указания. Петров прогнал в голове все возможные сценарии. Если это всего одна ракета, могло ли это быть случайным или несанкционированным запуском? Он пришел к заключению, что это было маловероятно. Он знал обо всех устройствах блокировки и мерах предосторожности и находился в полной уверенности, что один человек запустить ракету не мог. Даже идея о двух сотрудниках, сговорившихся о запуске ракеты, казалась невозможной. И если была выпущена всего одна ракета, думал он, что это могло значить? Так ядерную войну не начинают. Много лет его учили, что ядерная война начнется только с массивного удара. Он снова повторил себе: «Так ядерную войну не начинают».

В одной руке он держал микрофон, соединенный с системой внутренней телефонной связи в основном зале. Другой рукой он снял трубку, чтобы позвонить начальству, в чьем распоряжении находилась более мощная система раннего обнаружения, включающая в себя наземные радары. Петрову нужно было быстро прийти к собственному заключению – его начальство, без сомнения, захотело бы узнать, что происходит. Он все еще не закончил собственную проверку, но дальше ждать было нельзя. Дежурному он монотонно сообщил: «Докладываю: тревога была ложной». В этом он сам не был уверен. Он лишь интуитивно это чувствовал. «Есть», – ответил офицер. Петров вздохнул с облегчением: офицер не спросил его, почему.

Две минуты после первой тревоги и сразу после того, как он объявил поступившую информацию ложной тревогой, все еще держа в руках трубку и все еще слыша дежурного на другом конце провода, Петров пережил новое потрясение. Табло снова загорелось: запущена еще одна ракета! Потом третья, четвертая, пятая. Теперь система вошла в режим перегрузки. Дополнительные сигналы привели в действие новое предупреждение. На табло снова замигали кроваво-красные буквы: РАКЕТНЫЙ УДАР, и электронный сигнал был автоматически отправлен в вышестоящие инстанции. Петров был испуган. Он не чувствовал своих ног, а его мягкое кресло, казалось, превратилось в раскаленную сковородку. Он был потрясен, но думать нужно было быстро.

Петров знал, что решения по ракетному удару принимаются Генштабом. Теоретически, если бы тревога была признана обоснованной, решение об ответной реакции пришло бы оттуда. Советские ракеты были бы приведены в состояние боевой готовности, были бы введены координаты целей, гироскопы в устройствах наведения набирали бы обороты, а люки шахтных пусковых установок начали бы открываться. Советское руководство было бы предупреждено. Но на принятие решения осталось бы очень мало времени, как, впрочем, и на то, чтобы спастись бегством.

Выла сирена. Мигало красным табло. Петров принял решение, опираясь на свой опыт и интуицию. Он знал, что в прошлом система давала сбои, телескопы не подтвердили визуальную видимость ракет, а спутники находились в правильном положении. Возможно, прошло еще слишком мало времени, чтобы радары могли засечь что бы то ни было, но с радиолокаторов не поступало никаких сигналов, позволяющих заподозрить приближающуюся ракету. Он снова передал дежурному: «Ложная тревога». Сообщение было направлено в вышестоящие инстанции.

Чрезвычайная ситуация завершилась. Сирены замолчали. Ракетно-ядерное нападение не случилось. Не последовало и ответного удара.

«ПОСЛЕЗАВТРА»

Через несколько дней после ложной тревоги здоровье Андропова снова резко ухудшилось. В то время он был в Крыму и вышел прогуляться в парк. Слишком легко одетый генеральный секретарь устал и сел отдохнуть в тени на гранитную скамью. Он сильно переохладился, и вскоре его стало неудержимо трясти. Волгогонов приводит слова академика Евгения Чазова, сообщившего, что он осмотрел Андропова утром и обнаружил обширное воспаление, требующее хирургического вмешательства.

«Операция прошла успешно, но его организм был настолько ослаблен, что послеоперационная рана не заживала [...] Его состояние постепенно ухудшалось, его слабость росла, он снова перестал пытаться ходить, но рана все не затягивалась. [...] Андропов начал осознавать, что уже не поправится».

В своих мемуарах Чазов писал: «30 сентября 1983 г. для Андропова начался обратный отсчет. В октябре 1983 г. Андропов перестал лично управлять Политбюро, Центральным Комитетом и Верховным Советом. Он перестал появляться в Кремле».

Напряженность в отношениях с США нарастала. Шульц вспоминал: «Во время продолжительной встречи с президентом в середине октября я сообщил ему, что отсутствие диалога между обеими странами, даже если его причины были хорошо понятны, вызывало беспокойство как в США, так и среди их союзников». На это Рейган ответил: «Если ситуация продолжит накаляться и контроль над вооружениями останется важным вопросом на повестке дня, возможно, мне стоит встретиться с Андроповым и предложить ему полностью ликвидировать ядерное оружие». На это Шульц ответил: «Не имея ядерного арсенала, СССР перестанет быть супердержавой». Встреча так и не произошла¹⁸.

Осенью того же года военный психоз накрыл как Советский Союз, так и Соединенные Штаты. Советские нападки на Рейгана достигли крайней степени. Москва сравнивала

его с Гитлером и утверждала, что он был связан с мафией. Советские СМИ вновь и вновь повторяли, что угроза ядерной войны была выше, чем когда-либо за весь период со времени окончания Второй мировой войны. Кроме того, Министерство обороны показало по телевидению фильм, обличающий Америку, подстрекающую к войне и стремящуюся к мировому господству. В фильме были показаны американские ядерные взрывы и различные американские ракеты вперемежку с кадрами о жертвах войны, советских военных памятниках и заявлениях о мирных намерениях Москвы.

Исследователь Сюзанн Масси вспоминает посещение Института США и Канады в Москве в конце сентября. «Когда я приехала туда, мне показалось, что они были доведены до полного отчаяния, все они собирались по углам и выглядели очень обеспокоенными»¹⁹.

Страх перед войной охватил и Европу, и США. Движение за замораживание производства ядерного оружия встретило обширную поддержку, и более двух миллионов человек приняло участие в демонстрациях 22–23 октября. Кроме того, телевизионный канал ABC включил в свою американскую программу показ фильма «Послезавтра», повествующего о последствиях советского ядерного удара. Фильм сильно повлиял на идеи Рейгана. 10 октября 1983 г. он оставил в своем дневнике следующую запись: «Этим утром в Кэмп-Дэвиде я просмотрел кассету фильма, который ABC покажет 20 ноября. В этом фильме, который называется «Послезавтра», город Лоренс в Канзасе стерт с лица земли в результате ядерной войны с Россией. Фильм сделан мощно, его бюджет составил \$7 миллионов. Он производит действительно сильное впечатление и оставил меня в совершенно подавленном состоянии. Пока что они еще не продали рекламного времени ни для одного из запланированных 25 роликов, и я вполне могу понять, почему. Моя личная реакция: мы должны сделать все, что в наших силах, [...] чтобы быть уверенными, что ядерная война не произойдет никогда».

Джек Мэтлок, сотрудник Совета национальной безопасности США, встретился 11 октября в Белом доме с Сергеем Вишневым, журналистом *Правды*, с которым он познакомился во время своих поездок в Москву. Как впоследствии стало известно из меморандума Мэтлока, за неофициальным обедом Вишневский сообщил ему: «Состояние отношений между США и СССР ухудшилось до критической мерки. Многие советские граждане задаются вопросом, удастся ли избежать войны. Он сам обеспокоен и чувствует себя неловко в связи с тем, что сейчас ему приходится писать исключительно антиамериканскую пропаганду вместо более объективных материалов, которые он предпочитает [...]» Вишневский также сообщил, что заявление Андропова от 28 сентября «фактически не имело прецедентов и отражало нынешнее неудовлетворение руководства [...]» В то время как предупреждение о войне было сделано отчасти для того, чтобы подготовить советский народ потуже затянуть ремни в новом витке гонки вооружений. Вишневский сообщил, что «руководство уверено в том, что администрация Рейгана стремится сломить их систему и не пойдет ни на какие уступки; следовательно, у них не остается другого выбора, как затаиться и ответить ударом на удар»²⁰.

В октябре произошли и другие важные события. Роберт Макфарлейн был назначен советником президента Рейгана по вопросам национальной безопасности, сменив на этом посту Уильяма Кларка, и сразу же оказался втянутым в два практически одновременных кризиса. 23 октября грузовик, перевозящий эквивалент более 12 000 фунтов (около 5433 кг) ТНТ, врезался в периметр американской военной базы в Бейрутском аэропорту. В результате взрыва погибли 241 человек – американские морские пехотинцы, что стало самой крупной военной потерей за весь президентский срок Рейгана. Вторым событием было нападение Соединенных Штатов 25 октября 1983 г. на Гренаду, маленький остров в Карибском море, с целью свержения правящего там марксистского режима.

В том же месяце, Рейган получил секретный обзор материалов операции «РЯН», предоставленный англичанам Гордиевским. Эти документы считались настолько секретными, что директор ЦРУ Уильям Кейси собственноручно доставил их и передал лично в руки президенту²¹.

В то же самое время Рейган получил подробный отчет о едином комплексном оперативном плане – секретном плане США в отношении ядерной войны, включавшем в себя сложную процедуру по принятию президентом решений в кризисных ситуациях. Рид писал, что подобный отчет Рейган получал и в 1982 г. в связи с учениями, но другие источники настаивают, что первый полный отчет был получен Рейганом именно в 1983 г.

В начале ноября 1983 г. КГБ все сильнее и сильнее тревожится по поводу возможного неожиданного ядерного удара. Причиной этой тревоги были, возможно, масштабные ядерные командно-штабные учения НАТО под кодовым названием «Able Archer 83», запланированные на период со 2 по 11 ноября. Эти учения должны были протестировать процедуры управления и связи в случае начала войны. Учения проводились ежегодно, но в тот год предполагалось модернизировать их и привлечь к участию в них президента Рейгана и вице-президента Буша, а также министра обороны США и председателя Объединенного комитета начальников штабов США с целью сделать командно-штабные тренировки более реалистичными.

В программу «Able Archer 83» входило рассмотрение возможного удара по Европе. Частью учений было и упражнение по прохождению силами НАТО полного процесса применения ядерного оружия. 5 ноября руководство КГБ разослало в резидентуры запрос о «рассмотрении возможного проведения Соединенными Штатами и их союзниками операций на территории Великобритании» в целях подготовки к неожиданному удару. Приложенные инструкции настойчиво требовали от агентов обратить особенно пристальное внимание на любые признаки возможного принятия решения о ядерном ударе – такие, как необычная активность в резиденции премьер-министра по адресу Даунинг Стрит, 10, или же изменения в рабочем расписании британского Министерства обороны. КГБ заклинали свои резидентуры не забывать о том, что «эффект неожиданности является ключевым элементом в планах основного противника и в подготовке к войне в современных условиях. Как следствие, можно допустить, что промежуток времени между моментом принятия предварительного решения о РЯН и самим приведением удара в исполнение может быть сокращен до минимума – возможно, до 7–10 дней».

В тот же день член Политбюро ЦК КПСС Григорий Романов выступил в Кремлевском Дворце съездов с речью в честь годовщины Октябрьской революции. В своем обращении он заявил: «Возможно, еще ни разу за все послевоенные десятилетия ситуация не была такой напряженной, как сейчас. [...] Товарищи! Международная ситуация на сегодняшний день раскалена добела, и раскалена основательно»²².

Макфарлейн, всего несколько недель занимавший к тому времени должность советника по национальной безопасности, принял решение понизить категорию учений «Able Archer» и исключил Рейгана из участия в ней. Во время проведения учений КГБ выслал телеграмму в резидентуры как КГБ, так и ГРУ в Западной Европе, ошибочно сообщив о тревоге на американских базах в Европе. Как пишут Эндрю и Гордиевский, «Москва предположила, что возможными причинами тревоги могли стать усиленные меры безопасности после гибели более 240 морских пехотинцев в Бейруте во время взрыва бомбы двумя неделями ранее, а также приближающиеся войсковые учения в американской армии. Какими бы ни были истинные причины, они явственно давали понять, что альтернативным объяснением могло быть начало обратного отсчета к первому ядерному удару».

Напряженность в отношениях между двумя державами не спала и после завершения «Able Archer». Первые крылатые ракеты и *Першинги* стали поступать в Европу и были размещены в срок. Советская делегация покинула стол переговоров о ракетах средней дальности в Европе в знак протеста против их размещения. В своем дневнике Рейган писал, что его посетил американский посол в Москве Артур Хартман и подтвердил, что «Андропова в последнее время очень мало видно». Шульц вернулся из Европы в начале декабря, и «нашел, что президент Рейган снова думает о своем желании ликвидировать ядерное оружие». Шульц сообщил двум помощникам, что «он руководствуется в этом своими инстинктами и убеждениями. Президент заметил, что никто не обращает на него внимания, несмотря на то, что он говорит о своих взглядах как в частных разговорах,

Ы
И
Ц
И
И
Н
Н
О
Р
А
Т
С
И
С

так и перед широкой публикой. Я сказал вчера президенту, что я подумую над его идеей. Дать ему ответ является нашим моральным долгом. Президент считает, что действовать следует именно в этом направлении. Если мы с ним не согласны, мы должны объяснить, почему»²³.

Взгляды Рейгана начинали меняться. Его положительные взгляды на ликвидацию ядерного оружия начинали всплывать на поверхность. В своих мемуарах он вспоминал: «За три года я узнал о русских удивительные вещи: оказывается, многие люди из верхушки советской иерархии искренне боялись Америки и американцев. Возможно, это не должно бы меня удивлять, но я, тем не менее, был сражен. По правде говоря, мне вначале трудно было признать свои собственные заключения. Мне всегда казалось, что из наших поступков всем должно быть понятно, что американцы являются народом с высокими моральными устоями, людьми, которые с момента зарождения нашего государства всегда использовали свою власть исключительно в интересах принесения пользы миру [...]»

«В первые годы, которые я провел в Вашингтоне, я думаю, многие в нашей администрации считали само собой разумеющимся, что русские, как и мы сами, полагали немислимой возможностью того, что США первыми нанесут по ним удар. Но чем больше я набирался опыта в общении с советским руководством и другими главами государств, знакомыми с ним, тем больше я осознал, что многие советские чиновники опасались нас не только как противников, но и как возможного агрессора, способного первым нанести ядерный удар по СССР; и из-за этого, как, впрочем, и из-за чувства уязвимости и паранойи, корни которых берут начало еще в нападении Наполеона и Гитлера на Россию, они нацелили весь свой гигантский арсенал ядерного оружия в нашу сторону».

«Если бы так было на самом деле, я бы еще более стремился оказаться в одной комнате с главой СССР и попробовать убедить его в том, что у нас не было никаких замыслов в отношении Советского Союза и русским нечего было нас бояться»²⁴.

Перемена во взглядах Рейгана стала известна широкой публике из его речи 19 января 1984 г., с трибуны в Белом доме, транслируемой в прямом эфире на всю Западную Европу. В этом выступлении Рейган призвал США к сотрудничеству с Советским Союзом. Он не упомянул ни коммунизм, ни южнокорейский авиалайнер, ни даже империю зла. Вместо этого он высказал предположение, что если бы гипотетические Иван и Аня из Советского Союза могли встретить Джима и Салли из Америки, они вполне могли бы найти общие интересы. Это выступление стало поворотным моментом для Рейгана, и он уже никогда более не возвращался к резкой критике прежних лет. Он был готов к переменам. 📄

Примечания

¹ Автор любезно передал в *Индекс Безопасности* для опубликования фрагмент из своей будущей книги. Перевод © ПИР-Центр.

² Steury Donald P., ed. *Intentions and Capabilities: Estimates on Soviet Strategic Forces, 1950–1983*. Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, Washington D.C., 1996, pp. 325–429, в частности «Soviet Strategic Objectives: An Alternative View, Report of Team B», p. 365.

³ Pipes Richard. *VIXI: Memoirs of a Non-Belonger*. Yale University Press, 2003.

⁴ Cannon Lou. *President Reagan: The Role of a Lifetime*. Simon & Schuster, 1991. Chapter 13, "Focus of Evil."

⁵ Reed Thomas C. *At the Abyss: An Insider's History of the Cold War*. Presidio Press, 2004. Это событие также было описано автором в статье 27 февраля 2004 г. в *Washington Post*.

⁶ Было написано несколько работ о раннем Рональде Рейгане, включая Lettow Cannon, and Paul. *Ronald Reagan and his Quest to Abolish Nuclear Weapons*. Random House, 2005.

⁷ Address by the President to the Nation, The Oval Office, March 23, 1983, White House transcript.

⁸ Fischer Benjamin B. *A Cold War Conundrum*. Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, 1997. Также существует несколько дополнительных источников об этих событиях, включая Seymour M. Hersh, *The Target is Destroyed: What Really Happened to Flight 007 and What America Knew About It*. Vintage Books, 1987.

⁹ *Meeting the Espionage Challenge: A Review of United States Counterintelligence and Security Programs*. Report of the Select Committee on Intelligence, United States Senate, U.S. Government Printing Office, 1986.

¹⁰ Volkogonov Dmitri. *Autopsy for An Empire*. Free Press, 1998.

¹¹ Andrew Christopher and Gordievsky Oleg. *Comrade Kryuchkov's Instructions: Top Secret Files on KGB Foreign Operations, 1975–1985*. Stanford University Press, 1993.

¹² Fischer Benjamin B. *Op. cit.*

¹³ Reynolds David. *One World Divisible*. W.W. Norton, 2000. See Chapter 14.

¹⁴ Fischer Benjamin B. *Op. cit.*

¹⁵ *Ibid.*; Hersh Seymour M. *Op. cit.*, and Fox letter. *New York Times*. 1988, January, 13. Page 9.

¹⁶ Andrew Christopher and Gordievsky Oleg. *KGB: The Inside Story*. Harper Collins, 1990. P. 594.

¹⁷ Петров Станислав. Интервью с автором. Январь 2006.

¹⁸ Shultz George P. *Turmoil and Triumph: My Years As Secretary of State*. Charles Scribners Sons, 1993. P. 372.

¹⁹ Strober Deborah Hart and Strober Gerald S. *The Reagan Presidency: An Oral History of the Era*. См. комментарий Сюзан Масси. С. 224–225.

²⁰ Меморандум Мэтлока, архив автора.

²¹ Эта информация была получена из конфиденциального источника в разведке.

²² Fischer Beth A. *The Reagan Reversal: Foreign Policy and the End of the Cold War*. University of Missouri Press, 1997.

²³ Shultz George P. *Op. cit.* P. 376.

²⁴ Reagan Ronald. *An American Life*. Pocket Books, 1990.

Ы
Ц
И
Р
Н
О
А
Т
Р
С
Т
И
С

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ

1–14 июля 2007 г.

Подготовка квалифицированных специалистов в области международной безопасности – одно из приоритетных и динамично развивающихся направлений деятельности Центра политических исследований России (ПИР-Центра). Начиная с 1997 г. выпускниками образовательных программ ПИР-Центра стали более 560 молодых специалистов из региональных университетов, государственных структур, научно-исследовательских институтов государств СНГ.

За последние два года в Летней Школе ПИР-Центра приняли участие представители из одиннадцати стран СНГ (**Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина**), включая специалистов из министерств иностранных дел, обороны, энергетики, широкого круга научно-исследовательских институтов.

В 2007 г. Летняя Школа состоится с **1 по 14 июля**. Первая неделя образовательной программы будет традиционно посвящена проблематике нераспространения оружия массового уничтожения ОМУ, включая рассмотрение международных режимов нераспространения, многосторонних подходов в области ядерного топливного цикла, региональных аспектов режима нераспространения. Во второй части лекционного курса будут освещены современные вызовы международной безопасности, включая информационные, энергетические, демографические и другие аспекты.

В структуру образовательной программы будут включены семинары и заседания в формате *круглого стола*, в рамках которых молодые специалисты выступят с собственными исследовательскими проектами и представят свою точку зрения по актуальным вопросам международной безопасности.

По итогам образовательной программы участникам вручаются сертификаты об успешном окончании Летней Школы.

На Летней Школе – 2007 выступят ведущие эксперты в области международной безопасности:

- **Евстафьев** Г.М., генерал-лейтенант (в отставке), старший советник ПИР-Центра;
- **Орлов** В.А., директор ПИР-Центра;
- **Степанова** Е.А., руководитель группы по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности ИМЭМО РАН;
- **Тимербаев** Р.М., Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета ПИР-Центра;
- **Якушев** М.В., Директор по правовым и корпоративным вопросам, ООО «Майкрософт Рус».

Также на Летней Школе–2007 планируются лекционные выступления представителей Министерства иностранных дел РФ, Министерства обороны РФ, российских организаций, работающих в сфере атомной энергетики, зарубежных научно-исследовательских центров.

Организаторы полностью несут расходы по проезду, проживанию и питанию участников программы, а также обеспечивает их необходимыми раздаточными материалами и литературой.

Набор участников осуществляется на конкурсной основе. В качестве заявки на участие в конкурсе нужно направить резюме по факсу +7 (495) 234-9558 (на имя заместителя директора ПИР-Центра Антона Викторовича **Хлопкова**) или по электронной почте votanovskaya@pir-center.org

*По всем вопросам, связанным с Летней Школой–2007, следует обращаться к координатору образовательных проектов ПИР-Центра Екатерине **Вотановской** по телефону +7 (495) 234-05-25 или по электронной почте votanovskaya@pircenter.org.*